

Котлярова Виктория Валентиновна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры «Социально-гуманитарные
дисциплины» Института сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал) Донского
государственного технического университета

**РАЦИОНАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ИСТОРИИ НАУКИ
В ПОСТПОЗИТИВИЗМЕ
И ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ
ДЛЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Аннотация:

В статье автор обращает внимание на постпозитивистские концепции (Т. Куна, И. Лакатоса, Ст. Тулмина, П. Фейерабенда), которые критикуют друг друга, предлагают различные исследовательские стратегии и модели науки, актуализируя те или иные ее методологические проблемы. Постпозитивизм рассматривает рациональную реконструкцию науки как решение двуединой задачи: переориентации философии науки на историю науки, приведения методологических норм в соответствие с практикой научной деятельности, и в то же время критического переосмысления традиций историко-научных исследований, обеспечение их теоретического уровня и должного философско-методологической культуры. Постпозитивистской модели науки свойственна тесная связь философских (онтологических, метафизических) концепций с научным знанием. Философия не просто «влияет» на науку как некий внешний фактор, а органически входит в «тело» науки как важная компонента системы знания. В статье делается вывод о том, что постпозитивизм значительно приблизил методологию науки к реальной практике научной деятельности, способствуя формированию образа постнеклассической человекоразмерной науки.

Ключевые слова:

постпозитивизм, наука, научная динамика, философия науки, эпистемология, парадигма, научно-исследовательская программа, методологический анархизм.

Kotlyarova Viktoria Valentinovna

D.Phil, Associate Professor, Professor,
Social and Humanitarian Disciplines Department,
Institute of Service and Business branch,
Don State Technical University

**THE RATIONAL RECONSTRUCTION
OF THE SCIENCE HISTORY
IN POST-POSITIVISM
AND ITS SIGNIFICANCE FOR
POST-NON-CLASSICAL SCIENCE**

Summary:

In the paper the author draws attention to post-positivist concepts (T. Kuhn, I. Lakatos, St. Tulmin, P. Feyeraabend), which criticize each other, offer various research strategies and models of science, actualizing its different methodological problems. Postpositivism considers a rational science reconstruction as the solution to a two-pronged task: reorienting the philosophy of science to the history of science, bringing methodological standards in line with the practice of scientific activity, and at the same time critical rethinking the traditions of historical and scientific researches, ensuring their theoretical level and proper philosophical and methodological culture. The post-positivistic model of science is characterized by a close connection of philosophical (ontological, metaphysical) concepts with scientific knowledge. Philosophy not only "influences" science as a certain external factor, but organically enters the "body" of science as an important component of the knowledge system. The paper concludes that postpositivism significantly brought the methodology of science closer to the real practice of scientific activity, contributing to the formation of the image of post-non-classical human-sized science.

Keywords:

postpositivism, science, scientific dynamics, philosophy of science, epistemology, paradigm, research program, methodological anarchism.

Со второй половины прошлого века в философии науки ведущие позиции начинает занимать постпозитивизм. Его идеи разрабатывают Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, Дж. Агасси, М. Полани, Х. Патнэм, Ст. Тулмин и другие ученые. Постпозитивизм переходит от анализа «готового» научного знания, что было свойственно неопозитивизму, к исследованию науки в исторических и социокультурных контекстах. Построенная постпозитивизмом модель науки, осуществленный им методологический анализ структуры и роста научного знания и экспликация норм научной рациональности по-прежнему актуальны и требуют дополнительного осмысления. Можно без преувеличения утверждать, что проблемное поле философии науки и средства его исследования до сих пор находятся под знаком постпозитивистских традиций. В их русле сформировался образ современной науки как системы знания, специализированного вида деятельности и социального института. В данной статье автор предпринимает попытку представить общий абрис постпозитивистских идей рациональной реконструкции истории науки.

Постпозитивизм рассматривает историю науки и ее рациональную реконструкцию как предпосылку построения теории науки. Решение этой проблемы было призвано преодолеть мо-

нополю эпистемно-нормативистских схем, и, следовательно, способствовать росту методологической культуры научных исследований, укреплению взаимосвязи философии науки и исторической практики и научного познания, ведь, как писал И. Лакатос, «философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [1, с. 90].

Постпозитивистами было провозглашено, что задача философии науки заключается в реконструкции «внутренней» истории науки в противовес антиисторической трактовке науки в логическом позитивизме. Аргументировалось, что философы, как и раньше, продолжают заниматься «рациональной реконструкцией» научного знания, однако исследования сфокусированы уже не на формальной структуре научного знания, а на исторически зависимых типах методологий и онтологии научного знания [2, с. 100]. Философия науки, как доказывали представители ее исторической школы, должна определяться не на предвзятых философских или семантических предположениях, а на реальном историческом материале развития научного знания. Изучению должны подлежать «исторически специфические» черты научной практики, которые попирались традициями логического позитивизма.

В постпозитивизме опровержение стандартной модели науки – не самоцель, оно является важной предпосылкой развития концепции методологического плюрализма. Постпозитивизм направляет свои контраргументы против фундаменталистского-монистического духа неопозитивизма, а сама эта критика в исполнении постпозитивистов приобретает плюралистической ангажированности.

Введением в методологию науки принципа фальсификации К. Поппер (в русле неопозитивизма) первым делает серьезный шаг к устранению непреодолимых барьеров между наукой и философией. Ключевая позиция фальсификационизма заключается в том, что научное знание отличается от ненаучного принципиальной способностью к критике и опровержению. Метафизическое знание тоже могло претендовать, по К. Попперу, на статус научного, и только в случае возможности его рациональной критики. Этот вывод можно толковать в двух аспектах: или философское знание, «дорастая» до уровня знания научного, теряет свое мировоззренческое своеобразие, или же критерии научности, основанные на принципе фальсификации, касаются уже не чисто научного знания [3]. Опыт в доктрине постпозитивистов не ограничивается сугубо научной плоскости. Поэтому любое серьезное научное открытие всегда детерминировано, в том числе внеучными факторами. Отсюда идея картины мира, которая является не сугубо научной, но и не антинаучной. Так констатируется необходимость мировоззренческого плюрализма.

Длительное время в философии науки общепризнанной была кумулятивистская модель, в которой историческое развитие науки предстало как непрерывный рост научного знания, дополнение к существующему массиву знания новых истин. При этом любые эпистемные недостатки обычно списывались на спекулятивно-метафизические подходы и изымались из науки. Эта модель достигла своего апогея в позитивистской философии науки и опиралась на различные основы: закон трех стадий развития человеческого духа (О. Конт), постулат непрерывности человеческого опыта (Э. Мах), идею победы позитивного (научного) знания над знанием ненаучным (неопозитивизм). Это была одномерная, линейная модель научного знания. Именно тогда, «после смерти позитивизма в 1970-х годах», как отмечают

Л. Хенриксон и Б. Маккелви, «философы стали обращать свое внимание на научный реализм, эволюционную эпистемологию и семантическую концепцию теорий» [4].

Кризис позитивизма и формирование постнеклассической методологии показали ограниченность кумулятивизма. Оказалось, что в развитии науки главными являются моменты дискретности, неповторимости и революционных качественных изменений. А. Койре, например, анализируя научную революцию XVII в., доказывает, что, несмотря на определенную преемственность между средневековой наукой и наукой Нового времени, эти научные эпохи существенно различаются [5]. Эти фундаментальные смещения означали интеллектуальную революцию, которая не только изменила стиль научного мышления, но и основала новую антикумулятивистскую размерность и динамику развития науки.

Постпозитивистское решение проблемы соотношения внешней и внутренней истории науки обозначено попыткой преодолеть противостояние интернализма и экстернализма. В постпозитивизме наставления интернализма и экстернализма переплетаются в рамках таких интеграционных образований, как научно-исследовательская программа, парадигма, тема и тому подобное. Они включают в себя основополагающие логико-гносеологические образования: принципы, методы, нормы, творческие эвристики, способы обоснования, теории; и внешние факторы: мировоззренческие идеи, ценности культуры, психологические установки, общественные интересы. Однако конкретный механизм взаимодействия внутренних и внешних аспектов истории науки толкуется неоднозначно.

В концепции Т. Куна (как философ сам отмечал, что в основе его теории находятся положения А. Койре) видное место отводится восприятию и осознанию новой информации, что открывается перед человеком в ходе научного познания. Яркой иллюстрацией могут служить известные образные сравнения Т. Куном, восприятие новых фактов и явлений и связанное с этим изменение картины реальности в сознании субъекта познания с прыжком, инсайтом, или с восприятием кроликом того, что считалось ранее уткой [6].

Т. Кун, однако, не считает, что новации в науке имеют исключительно иррациональный характер. В действительности, указанные метаморфозы научной рациональности являются важным стимулом критической рефлексии «общепринятого мнения о том, в чем заключается рациональность», и именно с этим связаны современные подходы к теоретической реконструкции истории науки. Впоследствии Т. Кун отказывается от термина «научная картина», заменяя его терминами «правила-предписания» или «методологические директивы».

И здесь мы наблюдаем несомненную заслугу Т. Куна – термины «парадигма», «парадигмальный подход» становятся неотъемлемой частью современной научной лексики. «Парадигма» имеет синтетический характер, а ее природа раскрывается только благодаря историческому подходу к науке.

Концепция Т. Куна о роли и значении парадигмы в обеспечении нормального, кумулятивного развития науки в период между ее некумулятивными «прыжками» – научными революциями – стала убедительным аргументом для создания новой методологической ориентации в научном познании. Более подробно данный факт изложен в ряде работ [7]. Ряд современных исследователей применяют терминологию Т. Куна в далекой от философии сферы деятельности, например в банковском деле [8].

П. Фейерабенд доводит до логического завершения антикумулятивистские интенции пост-позитивизма. Он считает методологический нормативизм существенным препятствием научного творчества, провозглашает несоизмеримость научных теорий и отрицает возможность рациональной реконструкции истории науки [9].

Для П. Фейерабенда реальная история науки мало похожа на четкую, стройную «логику знания», в которую каждый исследователь вносит свою долю. Существующий плюрализм теоретических конструкций, постоянная конкуренция альтернативных программ обуславливают развитие знания как смену несравнимых и несовместимых теорий. В доказательствах философа теоретико-методологический монизм является всего лишь фикцией, созданной западной цивилизацией с ее «священным культом науки». Поэтому история науки предстает как дискретный и лишенный преемственности процесс, научное сообщество – как разрозненные исследовательские группы с корпоративными познавательными интересами, а методология науки, теряя свой нормативный характер, сближается с установками когнитивных наук.

Концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса значительно в меньшей степени, по сравнению с теорией научных революций Т. Куна, ориентирована на понимание значения социально-психологических и социально-культурных факторов развития научного познания [10]. Более важное место в теоретических построениях британского философа занимает изучение логико-методологических основ когнитивной динамики науки. Вероятно, двойственность взглядов И. Лакатоса на ментальные и социокультурные мотивации генезиса и динамики научного познания объясняется сочетанием естественных и историко-гуманитарных (точнее, исторически-антропологических) начал его мышления и видения науки.

Ст. Тулмин на основе эволюционистского подхода обосновывает взаимодополняемость внутренней и внешней истории науки. Ст. Тулмин развивает и аргументирует свою теорию в когнитивном пространстве различных наук, как естественных (биология), так и социально-гуманитарных (психология творчества, общая социология, социология науки и т. д.) [11]. Он широко применяет междисциплинарный метод, концептуально сближает данные теоретические подходы с «интеллектуальным инструментарием» исторической антропологии. С данным концептуальным подходом коррелирует и концепт идеи историзма, как один из основных в философско-научной теории Ст. Тулмина. Исследователь определяет, что философию науки следует понимать не как расширение математической логики, но как развитие научной идеи. Этот фундаментальный для творчества Ст. Тулмина концепт нашел отражение в трактовке им соотношения гносеологических и социокультурных составляющих динамики научного знания. Философ «снимает» противоречия между ними, указывая на взаимное дополнение этих компонентов друг другом.

Главным стимулом развития науки он считает совершенствование свойственных ей стандартов рациональности и понимания. Эти стандарты меняются в процессе эволюции научных теорий, которую мыслитель рассматривает как непрерывный выбор концептуальных новаций, а теории – как «популяции» понятий. Научные новации обусловлены, в основном, внешними фак-

торами, а их оценка и выбор имеют внутриэпистемный характер. Наследственность и изменчивость научно-теоретических «популяций» аналогично механизму биологической эволюции, то есть их выживание зависит от адаптации к интеллектуальной среде.

Традиционно важнейшей задачей науки считается объяснение мира ради достижения объективной истины. В классической методологии истина является главным критерием научности знания. С утверждением неклассической научной рациональности нормативное значение истины понижается, она рассматривается как производная от конвенционалистских и прагматических установок субъекта, приобретая признаки гипотетичности и правдоподобия. К. Поппер, например, приходит к выводу, что все научное знание имеет принципиально гипотетический характер, а истина – только регулятивный идеал.

Постпозитивизм, рассматривая науку в историческом и социокультурном контекстах, еще больше усиливает субъективизацию и релятивизацию истины и не проявляет к ней особого интереса. Т. Кун, И. Лакатос, Ст. Тулмин в своих теоретических построениях проблеме истины не придают специального значения, а П. Фейерабенд вообще называет истину «монстром» и предлагает ее исключить из науки и философии вместе с другими «чудовищами», которыми разум пытается ограничить человеческую свободу. Постпозитивизм считает главной целью науки и ее методологии не познание объективной истины, а реализацию одной или нескольких задач: расширение эмпирического базиса научного познания, получения лучшего понимания тех или иных феноменов, решение большего числа научных проблем («головоломок»), построение более простых и удобных для использования теорий, рост конкурентности научных теорий, совершенствование научной рациональности и тому подобное. Легко убедиться, что значимость этих смещений целевых ориентаций науки зависит, прежде всего, от того, в какой мере они способствуют познанию объективной истины.

Постпозитивистской модели науки свойственна тесная связь философских (онтологических, метафизических) концепций с научным знанием. Философия не просто «влияет» на науку как некий внешний фактор, а органически входит в «тело» науки как важная компонента системы знания. Постпозитивистские знания научной значимости метафизики в определенной мере является реакцией на неудачи реализации неопозитивистской программы демаркации науки и ненауки, но прежде всего – то глубокое осознание необычного регулятивного и эвристического потенциала философских идей как неявных или эксплицитных предпосылок развития науки. Корректность этого вывода постпозитивизм подтверждает анализом исторической динамики науки, периодов кризиса ее методологических основ и прорывов за новые предметные горизонты. В этой модели науки философия выстраивает соответствующие научные онтологии, разрабатывает методологические принципы, обосновывает идеалы и нормы эпистемного дискурса, осуществляет рефлексию процессов дифференциации и интеграции научного знания, его парадигм и исследовательских программ, способствует экспликации мировоззренческих идей науки, их панорамизации и вхождению в культуру.

Несмотря на то, что идеи постпозитивизма увидели свет полвека назад, они по-прежнему важны и значимы для современной философии науки и эпистемологии. Трансформировавшись в постпозитивизме, философия науки продолжает существовать, прежде всего, как поле битвы за рациональность или против нее. И какой бы недостижимой и даже искусственной сегодня не казалась мысль о поисках Истины, это понятие не исчезает, хотя и нередко трансформируется в такие ценности, как «целесообразность», «прагматичность» и т. п. На статус одной из таких новых «истин» науки претендует даже коммерциализация. П. Фейерабенд находил примеры роста коммерциализации в современном ему образовании и науке, в частности в «паразитизме» на фондах субсидирования научных исследований. Даже больше, он замечал подобное и в весьма отдаленном прошлом. Проблема финансового патронажа Папы Урбана VIII средневековых научных исследований, замечал он, действительно могла быть одной из настоящих причин тех затруднений, что преследовали Галилея в отношениях с католической церковью [12, р. 109–110]. Коммерциализация науки в современном мире неразрывно связана с коммерциализацией образования, этот процесс Г. Ритцер называет «макдональдизация». Университеты больше не рассматриваются как центры науки и образования, а рассматриваются как источник предоставления образовательных услуг (как своеобразный «Макдональдс»), где «товаром» является степени и квалификация [13]. Автор статьи полагает, что поиск ответов на те вопросы, которые не решены в постпозитивистской философии науки, позволит избежать тех негативных тенденций, которые существуют в современной науке – от идеи коммерциализации до растворения науки в околонуточных источниках.

Таким образом, постпозитивизм возник как критическая рефлексия динамики развития современной науки и одновременно как реакция на неудачи неопозитивизма в обосновании научного знания. Важнейшими признаками постпозитивизма стал плюрализм его теоретических концепций, методологических средств и исследовательских результатов и историзм в смысле исследование динамики в исторических и социокультурных контекстах. Постпозитивистские смещения в области

философии науки имели неоднозначные последствия. Во-первых, они способствовали преодолению жесткого нормативизма методологии, усилению ее прагматично-операционной «гибкости», трансформации проблемного поля философии науки, реабилитации эпистемно-эвристического значения метафизики, углубленному пониманию научной рациональности и осознанию содержания качественных изменений в науке. Во-вторых, постпозитивизм рассматривает материал истории науки несколько сужено, преимущественно как иллюстрацию для подтверждения идей тех или иных концепций. Хотя постпозитивизм не создал целостной теории структуры и развития научного знания, он значительно приблизил методологию науки к реальной практике научной деятельности, способствуя формированию образа постнеклассической человекообразной науки.

Ссылки:

1. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. 423 с.
2. Котлярова В.В. Современное научное познание: парадигма интеграции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1 (59). С. 99–102.
3. Orman T. "Paradigm" as a Central Concept in Thomas Kuhn's Thought // International Journal of Humanities and Social Science, 2016. Vol. 6, No. 10; October. P. 47–52.
4. Henrickson L., McKelvey B. Foundations of "new" social science: Institutional legitimacy from philosophy, complexity science, postmodernism, and agent-based modeling // Proceedings of the National Academy of Sciences, 2002. May 14, 2002, vol. 99. P. 7288–7295. <https://doi.org/10.1073/pnas.092079799>.
5. Койре А. Очерки истории философской мысли / под ред. А.П. Юшкевича. М., 1985. 282 с.
6. Кун Т. Структура научных революций = The structure of scientific revolutions. 2-е изд. М., 1977. 300 с.
7. Котлярова В.В. 1) Обусловленность применения парадигмальной методологии в аксиологии культуры // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 5. С. 88–96 ; 2) Реинтерпретация парадигмального подхода в аксиологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-1 (47). С. 89–92.
8. Panshak Y. Can Thomas Kuhn's Philosophy of Scientific Progress Explain Revolution in Cashless Payment Systems // International Journal of Scientific Research in Information Systems and Engineering. Volume 1, Issue 2, December-2015. URL: <http://oaji.net/articles/2016/2985-1455547842.pdf>.
9. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. 542 с.
10. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 134–154.
11. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984. 328 с.
12. Feyerabend P. The tyranny of science / ed. and introduction by Eric Oberheim. Cambridge; Malden, 2011. 153 p.
13. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. 304 с.

Редактор: Кириллова Екатерина Анатольевна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович